

Танго
втроем

Maria Nurowska

Tango dla trojga

М и р о в о й б е с т с е л л е р

Мария Нуровская
Танго втроем

Москва, 2017

УДК 821.162.1
ББК 84(4Пол)6-4
Н90

Перевод с польского И. В. Подчицаевой

Нуровская, М.

Н90 Танго втроем / М. Нуровская ; [пер. с пол. И. В. Подчицаевой]. — М. : РИПОЛ классик / T8RUGRAM, 2017. — 272 с. — (Мария Нуровская. Мировой бестселлер.).

ISBN 978-5-519-60851-0

Она с детства была влюблена в театр, но и подумать не могла, что так рано покорит сцену. Знаменитый режиссер дал ей одну из главных ролей в чеховской пьесе — и не ошибся. Он не только открыл яркий талант, но и встретил новую любовь. Ради нее, молодой актрисы и своей ученицы, он ушел из семьи.

Терзаясь чувством вины, Она затевает опасную игру — приглашает бывшую супругу своего мужа, давно покинувшую театр, сыграть в новой постановке. Она мечтает вернуть ей смысл жизни, но не замечает, как стирается граница между сценой и действительностью. Театральные страсти кипят уже не только на подмостках, и это никому не сойдет с рук...

*Книга опубликована при поддержке Института Książki.
This publication has been subsidized by Instytut Książki*

УДК 821.162.1
ББК 84(4Пол)6-4
BIC FA
BISAC FIC027020

Copyright © by Maria Nurowska
Published by arrangement with
Wydawnictwo W. A. B., Warsaw, Poland
© Издание на русском языке,
перевод на русский язык, оформление.
ООО Группа Компаний
«РИПОЛ классик», 2012
© T8RUGRAM, 2017

ISBN 978-5-519-60851-0

Ты притупи, о время, когти льва...
в прах обрати земные существа...

У. Шекспир. Сонет 19¹.

¹ Перевод С. Я. Маршака. — *Здесь и далее примеч. переводчика.*

Я знаю, где нахожусь и что со мной случилось. Видела же ее, эту машину, а ногу с педали газа не сняла. Почему — так самой до конца и непонятно. Покончить с собой у меня и в мыслях не было. И все-таки — почему? Мне бы надо было притормозить, чтоб машина успела перестроиться в другой ряд. Это был единственный шанс на спасение. Но я этого не сделала. То ли водитель из меня плохой, то ли я так вошла в роль, что решила довести ее до конца и сыграть даже собственную смерть.

Итак, о самоубийстве я не помышляла, а вот сбежать от всех куда глаза глядят — и даже от самой себя — подумывала не раз: найти бы укромное место, спрятаться... И похоже, мне это удалось. Наконец-то нашла себе укрытие. Крепко сомкнутые веки позволяют чувствовать себя в безопасности. Я слышу все, что происходит

вокруг, и вроде бы контролирую ситуацию. Узнаю по шагам, кто приближается к моей кровати: врач, медсестра, моя мама или же он собственной персоной. Только ее шагов что-то не слышать... Про себя я решила: выйду из своего укрытия, только если она ко мне придет, — не раньше и не позже. Войдет, встанет у моей кровати. А я подниму веки, и наши взгляды встретятся. До этой минуты мне придется играть роль, пожалуй, самую трудную из всех моих прежних ролей. Однако на сей раз зрителями будут профессионалы — врачи, в полной власти которых находится мое тело, подключенное к разным аппаратам. К счастью, ученые еще не выдумали таких устройств, которые бы контролировали душу. Поэтому я пока в безопасности. Надо только быть начеку, стараться не двигать глазами и не выдать себя дрожанием век, когда кто-то окажется поблизости. Главное, что я снова начала играть. И у меня такое впечатление, что я полностью вжилась в роль и завладела вниманием зрителей. Думала, этого уже не произойдет и страх перед выходом на сцену меня никогда не покинет..

С самого раннего детства театр был моим предназначением. Сколько себя помню, я играла в театр, а первыми моими зрителями были куклы. Я сажала их рядом

на диване и устраивала перед ними представление. Чаще всего переодевалась в мамины платья. Потом, в старших классах лицея, задумав поступать в театральный, ездила на все громкие премьеры в Варшаву. Ездили вдвоем с Дарьюшем. Городок у нас маленький, из развлечений только Дом культуры, а театр, который находился в соседнем городе, — одно название.

— Кругом одни посредственности, — говорил Дарек, критик, весьма суровый в своих оценках. Единственным актером, которого он по-настоящему ценил, был Тадеуш Лонцкий. — Вот его можно поставить рядом с Лоуренсом Оливье, а остальные — бездари.

Несмотря на то что мы с ним были ровесниками, Дарек для меня был авторитетом. Он казался таким умным. По крайней мере, намного умнее меня. Сперва нас сблизила любовь к театру, а потом мы стали «ходить вместе», как тогда говорили в школе, т. е. встречаться. Но выглядело это иначе, чем я себе представляла. Подружки рассказывали наперебой, как проходили их «свиданки», и речь шла не только о поцелуях, но и о куда более близких отношениях. Их откровения возбуждали мое воображение, но Дареку все это было будто невдомек. Такое впечатление, что свидания со мной он рассматривал буквально как... совместные про-

гулки. Когда мы гуляли вместе, мне приходилось чуть ли не вприпрыжку бежать за ним, так широко он шагал. Поклонник провожал меня домой, потом сидел, развалившись на моей тахте, и рассуждал о своем восприятии мира и людей. Собственно говоря, непонятно было, мы встречаемся или нет. Дарек не позволял себе никаких вольностей по отношению ко мне, ни единого ласкового жеста, нежного взгляда. Ни разу даже не обнял меня, что уж говорить о поцелуях. А я этого ждала.

— Скажи, я тебе нравлюсь? — не выдержав, как-то спросила я, оборвав на полуслове его философствования.

Он глянул на меня непонимающе:

— Что ты имеешь в виду?

— Ну... в общем... как женщина... — запинаясь, сказала я.

— Как женщина? — повторил он чуть ли не с отвращением. — Что бы я с тобой делал, будь ты женщиной?

Меня это сбило с толку. Я готова была расплакаться.

— Кто же я для тебя тогда?

— Ты — это ты, — отчеканил он и вернулся к прерванным рассуждениям.